

ЕЛЕНА БАШМАКОВА

ТЕРЕНТІЙ ТРАВНІКЪ

ТРИ
ГОДА
ПИСЕМ...

**Терентій Травнікъ
Елена Башмакова
Три года писем...**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40149778
ISBN 9785449609410*

Аннотация

Письма, которые представлены вниманию читателей, написаны с 1991 по 1994 год. Время поисков новых жизненных смыслов, адаптация к иным условиям и требованиям совпало с молодостью героев этой книги. О чем мечтали молодые Елена Башмакова и Терентий Травник, какие строили планы на жизнь, к чему стремились, какие чувства переживали, о чем размышляли и многое другое – все в этих письмах, написанных 25 лет назад.

Содержание

Это было недавно... Это было давно	6
_____ 1991 _____	10
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Три года писем...

Елена Башмакова Терентій Травнікъ

© Елена Башмакова, 2019

© Терентій Травнікъ, 2019

ISBN 978-5-4496-0941-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Башмакова и Терентий Травник

ТРИ ГОДА ПИСЕМ

Избранное из...

1991 – 1994 гг.

Это было недавно...

Это было давно

Письма, которые представлены вниманию читателей, написаны с 1991 по 1994 год. Это было непростое время для многих, когда рушились старые устои, перестал существовать Советский Союз, менялось привычное мироустройство и мировоззрение в умах людей и общественной жизни, что не могло не отразиться и на их душах. Время поисков новых жизненных смыслов, адаптация к иным условиям и требованиям, когда буквально все балансировало на грани пропасти, совпало с молодостью героев этой книги, письма которых через двадцать пять лет, бережно сохраненные временем, вдруг возникли из небытия именно сейчас, когда эпистолярный жанр практически канул в Лету, уступив место электронным письмам и общению онлайн, что более соответствует современным требованиям сверхскоростей.

Познакомились Лена Башмакова и Игорь Алексеев случайно в Центре внешкольной работы в Ясенево, где Алексеев работал художником-оформителем. Стоял 1990 год, Игорь недавно покрестился и пребывал в окрыленном состоянии духа. Лена пришла в ЦВР в составе исследовательской группы психологов, с целью изучения творческих аспектов коллектива. Она тогда вела занятия в Центре психологической

поддержки «Круг» и занималась изучением занятий педагогов по внешкольной работе и всего того, что связано с педагогикой, поскольку она психолог педагогической деятельности.

«Однажды, проходя мимо комнаты психологов, – вспоминает Игорь, – я увидел незнакомую женщину и зашел познакомиться. Мы быстро разговорились на разные темы, в том числе и на духовные, т.к. я не так давно окрестился. Знакомство произошло 29 сентября, позже оказалось, что это был день рождения Лены. С тех пор мы стали больше общаться: она проводила у нас семинары, тесты, собирала группу художников, фотографов, музыкантов, делая опросы, заполняя анкеты, в которых участвовал и я. Так мы общались, но только на работе». К концу года психологи ушли, а дружба между Игорем и Леной осталась, правда, беседовали они теперь по телефону. Лена была замужем и всегда занята. Её родители строгих правил, а потому она вне семьи не общалась: только мама, папа и домашние. Года через полтора Игорь был приглашен к ней домой, где познакомился с ее родителями и семьей. «Папа Лены строгий такой, большой, а мама очень доброжелательная...», – вспоминает он.

Ее муж, Виктор, был военный и в 1991 году получил направление на службу в Германию – долгосрочную командировку в Берлин на три года. На этом общении между Игорем и Леной должно было бы прекратиться, несмотря на то, что оно было к тому времени взаимообогащающим и на хорошей

волне: ему нравилось с ней беседовать, как с психологом, он всегда задавал ей много вопросов, а она давала ему полные ответы. Когда Лена уезжала с семьей в Германию, она забронировала ящик, дала ему адрес, сказав что-то вроде того, ну ты пиши, если что, я отвечу.

Вот так и начался этот диалог в письмах длиною в три года, который представлен на страницах этой книги. Интересно, что их переписка длилась гораздо больше, чем они были знакомы до ее отъезда за границу. Дружеские непродолжительные встречи до отъезда Лены были редки, а переписывались они последующие три года, делясь друг с другом своими мыслями и переживаниями, правда, она приезжала в отпуск, когда Игорь покрестил ее сына Мишу, родившегося в Германии.

Такова краткая история знакомства Елены Анатольевны Башмаковой и Игоря Аркадьевича Алексева (Терентия Травника), переросшая в дружбу на всю жизнь, а остальное – в письмах...

Член Союза писателей России

Ирина Михайловна Соловьева

Время вить гнезда и пасть из гнезда.

Время взлететь и упасть как звезда.

Время обжечься о чьи-то лучи.

Время растаять в бессонной ночи.

*Время на встречи и на разлуки.
Время на губы, время на руки.
Время отдать свое сердце любви.
Время дожить в одиночестве дни.*

*Терентій Травнікъ
август 1991*

Уважаемый Игорь Аркадьевич, здравствуйте!

Поздравляю тебя с прошедшим Днем рождения! Пусть Бог тебе даст здоровья и мук творчества, без коих тебе жить нельзя.

Значит так. Я живу в Берлине. Пока мы живем в посольской гостинице. За моим окном высоченные тополя, напоминающие по форме юг России. От этого у меня, по-видимому, ощущение отпуска на пару недель и я не могу избавиться от этого чувства, да и не хочу.

Меня здесь пытаются адаптировать и научить жить в настоящих условиях. Это происходит довольно тяжело. В магазинах у меня единственное чувство – рябь в глазах и хочется поскорее уйти. Продуктовые магазины наводят меня на грустные мысли о греховности чрезмерности (помнишь, ты говорил, что без чего человек может обойтись, он должен обходиться), а здесь... это просто не нужно столько, и всего, и я думаю, что все это способствует душевному растлению.

Но между тем я становлюсь бюргершей: считаю марки, экономлю, становлюсь жадной. Вечерами вместе с Михалычем учим немецкий язык. Весь день мой проходит в суете:

покупки, подсчеты, готовка, стирка, выгуливание ребенка. Ночами думаю о жизни и о тех, кого оставила в Москве.

«У меня нет дня, но осталась ночь»... Вообще осознавать и ощущать себя иждивенкой, мне очень тяжело. Ты знаешь, я привыкла работать много и с удовольствием, зарабатывать и тратить по своему усмотрению. Вообще развратилась. Хотя бы небольшой объем работы способствовал бы поддержанию моего душевного состояния.

С общением пока нет проблем. Разговариваю с сыном и с мужем, да еще с одной парой русских, которые помогают мне с закупками. Естественно о жизни, о философии, искусстве и религии я не говорю. Поэтому, может быть, начну писать.

Твою просьбу выполнила. Михалыч купил мне маленький плеер, и теперь я слушаю иногда записи. Это мне помогает. В твоём коллаже мне особенно нравится: «Пылает за окном звезда», «Мальчик и облако», «Воля», «Церковь», но последнее (очень сильное), я воспринимаю болезненно.

В восприятии России здесь у меня появилось что-то Есенинское: «Край ты мой заброшенный, край ты мой – пустырь, сенокос некошенный, лес, да монастырь»... Так и звучит в сознании. Что-то убогое, ранимое, бесконечное, непостижимое и дорогое. Знаешь Аркадич, ты нигде кроме России жить не сможешь, в другом месте ты задохнешься, мне так кажется. Я и то чувствую себя деревом, вырванным из родной почвы. Здесь одна женщина сказала, что им скоро

в Союз. Когда я спросила, когда, она сказала, что в 1994 году. Я подумала: «Ничего себе скоро!» У каждого свое восприятие пространства и времени. Присмотрела себе масляную пастель. Она продается в наборе с фломастерами и красками, и стоит не так уж дорого, как меня пугали (от 14 до 30 марок), как блок хороших сигарет. Но мне хочется найти, отдельно пастель. Вообще, хочется вести рисуночный дневник, хотя пока у меня одно состояние – никакое.

Жалко, что я не попаду на выставку твоих картин (ты ее непременно сделай, сразу не продавай, отними слайды, а я приеду и посмотрю, хотя бы по слайдам). Еще я здесь, часто вспоминаю твою картину, которую ты мне показывал незаконченной. По-моему, она называлась «Алхимия», там заброшенный каменный дом (мельница?), а впереди озеро (пруд?). Ты еще хотел там кого-то дорисовать. Если она еще не продана, оставь, мне хочется ее купить.

Сейчас я читаю психолого-философскую книгу В. Франкла «Человек в поисках смысла», что для меня актуально. Как тебе мысль: «Человек начинает вести себя, как человек, лишь, когда он в состоянии преодолеть уровень психофизически организмической данности, и отнестись к самому себе, не обязательно противостоя самому себе. Эта возможность и есть обществование, а существовать – значит постоянно выходить за пределы самого себя». Очень хочется с тобой поговорить, отвечать мне не обязательно, я знаю, что у тебя много дел и хлопот, это я здесь, баклуши бью.

Но на всякий случай адрес припишу. Письмо сейчас отправлю через Татьяну, а дальше, как получится. Татьяна, славный человек, а для меня особенно ценно, что она относится ко мне с пониманием и принятием меня такой, какая, я есть. Она училась вместе со мной и Ольгой. Было очень приятно, когда она, Ольга, Дима и другие мои друзья, и сотрудники, провожали нас в Москве. У меня осталось очень трогательное приятное воспоминание. А Татьяна подарила мне своими руками сшитый и вышитый летний костюм. Было много цветов. Некоторые из них и по сей день, стоят у меня в номере. Звонить у меня вряд ли получится. В городе одна минута – 5 марок, поэтому буду писать. Ну, вот и все.

До свидания.

Большой привет Людмиле Георгиевне. Лена.

2

Здравствуй Лена!

Получил твои последние два письма. Прочитал, что письмо-продолжение к первому ты не получила. Очень жалко, т. к. в нем было все накопленное за летний период. Также понял, что пропала открытка (акварель, я ее сделал сам), которую я послал к твоему дню рождения. Поэтому, дорогая Елена, поздравляю тебя и желаю мира, мудрости и покоя. Надеюсь, что это письмо дойдет.

Недавно я получил письмо от Ксюши из Германии, ко-

торое она послала в середине июля, конверт раскрыт и то, что в нем должно быть, этого нет, так сказала она. Еще одно письмо ее так и не пришло, но поскольку это дошло, то я все же надеюсь, что мои тоже дойдут к тебе, хоть с опозданием, да не малым.

Мои ранние проблемы не разрешились, но время постепенно покрыло все «пылью». Боль притупилась, волнения и страхи затерлись. Правда, я заболел, то ли простудился, то ли еще хуже. Не было счастья, да несчастье помогло, так и мое самочувствие вытерло мои ранние хлопоты. Временно приостановил рисование – нет сил. Знаешь, лежу читаю Сергея Булгакова и ничего больше не хочу. На работу в ДП не ходил три дня – не могу, не хочу, очень противно. Встану на ноги, зайду к начальству и выслушаю очередное мнение о себе, но ты знаешь, сама, что там говорят.

В Москве жизнь стала труднее – говорят, есть нечего, все очень дорого, да и ничего нет. Знаешь, меня это до сих пор не интересует, хотя у меня также не густо, но я об этом мало думаю. Но я чувствую это по людям, мое окружение стало (в большинстве) замкнутым и настороженным.

Все «высокое» просто улетает из людских голов, да больше и не рождается. Грустно мне от этого, очень грустно. Зарплата у меня 170 рублей (110 р.+60 р. пособие). Продаю картины (этюды), чтобы купить краски. На красках я почувствовал подорожание (в 5—7 раз). Теперь себестоимость работы на холсте (с рамой) размер – 2 альбомных листа может дой-

ти до 150—180 рублей. Поэтому с моей зарплатой все притормозилось. Есть долг и не маленький: тысяча с лишним рублей, приходится занимать на материал. Работы продаю дешево, т. к. из-за подорожания люди покупают очень плохо. Приходится выбирать – или сдать в салон дорого и не работать, сидеть ждать пока купят или отдать дешево, но купить материал и приступить к работе. Честно говоря, продаю со скрипом, не из-за того, что не берут, а все-таки хочу собрать что-то для выставки, да и есть работы, которые невозможно продать, т. к. какие деньги заменят душу и сердце, которые остались там.

Ксюша обратила на мои дела внимание, или я выгляжу так или немного узнала мои проблемы, не знаю. Но иногда предлагает свою помощь. Все же я ей очень благодарен. Последняя неделя для меня была неделей скитаний. Где только не жил, о чем только не говорил, чего только не видел. Впитал в себя, как губка, чужую боль. Очень рад за тебя. Представился случай провериться. Да, я, как и прежде держу обиду (очень серьезную) на сердце, но самое большое один день, а потом прощаю, обида уходит из меня, она просто не держится (как вода в решете). Я рад этому, это для меня важно, тем более, сейчас, когда наступает почти голод и разруха. Значит, есть еще тот потенциал, который копился все прошлые годы, тот хороший уровень. Расписывал деревянные яйца, все разобрали (в Америку и Германию), всем очень понравились, но как говорят «„сапожник без сапог“», хочу сде-

лать когда-нибудь одно для себя.

В последнее время появилась мысль уйти с работы и не работать, заниматься творчеством, но не могу пока, я все же чувствую, что я там нужен, не хочу подводить людей, да и мой заработок – это уже хлеб, чай и проезд по городу, да и бумага для рисования и на мелкие подарки хватает. Предлагают мне новые места в кооперативах, в СП, МП, предложили место начальника отдела дизайна и рекламы в МП, да я все же не рожден для этого, я не коммерсант и никак не вижу себя в роли начальника.

Есть у меня одна мечта, жду то время, когда смогу помогать малоимущим, друзьям и всем простым людям. Погашу свой долг, и дальше мне деньги будут нужны только на краски, книги и минимум еды, тогда все излишки пушу на благотворительность. Если у меня в месяц 100 рублей будет уходить на радость других людей, это уже будет очень хорошо.

Отвечая на твой вопрос, могу сказать, что с Ксюшей у нас никакие отношения не восстановились, все как прежде, да и нет стремления и желания ни с моей стороны, ни с ее. Просто говоря – это невозможно.

Психологи твои так и работают у нас (Наталья и новая женщина. С ней во всю общается Миша Будин (чем-то похож на нас)). Я их вижу редко, да с начала года сказал, по моему, не более пяти слов. Художники увольняются (Ольга, Таня, Арина), остается только Слава, а это не просто. Если хочешь, то я могу тебе иногда присылать фотографии о себе,

наиболее интересные. У меня к тебе просьба, пришли мне свою фотографию, если ты сможешь сфотографироваться и, если это недорого для тебя.

Игорь (Терентий Травникъ)

3

Здравствуйте, уважаемый Игорь Аркадьевич!

Долго не писала, так как все ждала письмо от тебя, но так и не дождалась, хотя и месяц уже прошел, как ты вышел из отпуска. Видно не до меня, да Бог с тобой, я не обижаюсь. В моей жизни произошли значительные перемены, правда, не знаю, на долго ли. Как-то так получилось, что перед самым началом учебного года, а именно 30 августа, меня совершенно неожиданно взяли на работу. До этого я ходила в посольскую школу, и мне отказали, а Михалыч посоветовал съездить в Карлхост (это дальше, на восток), там наши военные, которых выводят. Там мне и предложили поработать учителем начальных классов. Я согласилась, но в первое время, так чего-то испугалась, что потом хотела отказаться. Учителем в начальной школе я уже давно не работала, с такими детьми занималась только психологией, последний год в доме пионеров (помнишь, мою старшую группу 9—10 лет), да и вообще мне гораздо больше нравится, и лучше получается, если контингент взрослый или старшеклассники. Я в последнее время разучилась строить отноше-

ния любым другим образом, кроме, как на равных. Пытаюсь и ними, но они начинают садиться на шею, не привыкли, для них нормы – команды. Первое время (да и сейчас еще) шокированы, что я называю их по именам, а не по фамилиям (тем более, что их немного и имена почти не повторяются). Дети в основном из Украины и русские из Прибалтики, поэтому с русским языком просто беда. Говорят: «Ихние, ложат», из отдельных слов в заданиях, предложения составляют с трудом. Читают большинство очень плохо. Ну, в общем, я углубилась в свои рабочие проблемы. Когда шла работать, то прикидывала все «за» и «против». Конечно, домашнему хозяйству Димке, внимания меньше, но зато, все время при деле, общение (педагоги в школе не плохие, да и дети тоже), ну и свой заработок. Так что плюсов больше. Тем более в лучшем случае мне удастся проработать год, т. к. войска выводят, и дети с родителями уезжают, школа сокращается. Да, меня обрадовал Михалыч, возможно, мы вернемся пораньше. Домой хочется! Он вообще сейчас доволен тем, что я при деле, перестала ныть (я ему уже этим надоела, каждый день на мою кислую мину смотреть, в магазины, вообще перестала ходить – некогда, значит, и денег трачу меньше). Так что теперь я каждый день встаю в 6 часов утра, выезжаю к 7, к 8 в школу. В лучах утреннего солнца, пересекаю часть Восточного Берлина в наземном метро, почти одна в вагоне (большинство едут в центр). Смотрю на солнце и думаю, что оно сейчас на Востоке, что у нас сейчас девятый час утра,

и мысленно, через него здороваюсь с вами. Восток Берлина, совершенно похож на нашу местность, иногда такое ощущение, что едешь на пригородной электричке, где-нибудь в районе Бирюлево: новостройки, деревья, кустики, насыпи. Только на станциях надписи иностранные. В Берлине хоть и сухо, и солнечно сейчас, но всюю чувствуется дыхание осени, особенно прохладно по утрам. Говорят, что здесь осень сухая и солнечная, до ноября. Мне не повезло, на второй же день работы, я заболела, и ходила работать больная (пичкала себя таблетками). Заболела, скорее всего, на нервной почве, когда я нервничаю, стресс, на меня любая инфекция быстро садится. Поэтому болело горло, потом насморк, потом стала хрипеть, и почти совсем пропал голос, и сейчас начала кашлять (обычная моя схема). Да, Михалыч меня стал иногда жалеть. До дома всю эту неделю я буквально еле доползала. Очень тяжело сразу навалилось: начало работы, Димкиной учебы, болезнь, да поболеть спокойно нельзя.

Да, съездили мы в Потсдам, в Сансуси, так что моя мечта воплотилась. Сам дворец Фридриха оказался очень скромным, всего 10 помещений, правда на той же территории есть другой, побольше, где жили, когда приезжали его родственники. Сам дворец Сансуси, расположен очень красиво на горке, которая идет ступеньками, обвитыми виноградом (если попадетсЯ открытка, пришлю). Приятный такой камерный пейзажный парк вокруг, очень легко представить, как они здесь на лошадях катались. Но наши Ленинград-

ские дворцы значительно больше и пышнее, да и ухоженнее. У нас там каждый миллиметр стенки буквально вылизан (может быть, потому, что люди там работают – сподвижники), а здесь нет, небрежности больше (а может денег на реставрацию, мало выделяют?). Немцы очень гордятся своим Сансуси и Фридрихом, даже на проездных билетах, фотография этого дворца. В парке было много народа, гуляют буквально толпами, и с билетами трудно, хотя они по 6 марок. В целом поездка была интересная, я осталась удовлетворенной. Больше в этом месяце мы никуда не попали, а теперь до моего выздоровления и не попадем. Как у тебя дела? Вышел ты на работу? Кто теперь тебе скажет: «Здравствуйте, Игорь Аркадьевич, как Ваши дела. Как там чувствует себя, моя конкурентка Ольга (рыженькая)?» Знаешь, как я тогда поняла, что это Ольга? Она очень по-хозяйски, чувствовала себя в твоей мастерской. Меня это, честно говоря, слегка задело. Мне вообще не нравится, когда с тобой обращаются панибратски, без должного трепета. У меня такое чувство, что они просто не представляют, кто ты, какая ты необыкновенная личность, гораздо, душевно развитее их (представляю, как ты в этом месте занимаешься руками). Мне очень не хочется, чтобы ты чувствовал себя одиноко. Рано или поздно, мы все вернемся к тебе (лучше раньше, конечно). Приехал ли Вадим? Я со своей стороны, стараюсь ежедневно, выполнять обещанное тебе (помнишь, один из последних разговоров о жизни и смерти, под крышей дома пионеров?)

Впрочем, ты никогда ничего не понимаешь из того, что я говорю. Но, во всяком случае, слово свое стараюсь держать, не знаю, помогает ли тебе это? Каждый день о тебе помню, и думаю, что, когда я вернусь, ты будешь немного другим, наверное, взрослее, мудрее, будешь еще более масштабно и обстоятельнее мыслить (мне так кажется почему-то), и это немного жалко, потому что я не буду, так остро с нежностью, с улыбкой, воспринимать твою молодость, твое мальчишество. Но может быть, это и хорошо, потому что в душе мне хочется, чтобы ты вырос. Я сейчас задумалась над тем, что пишу, и подумала, получилось нечто сумбурное и непонятное, наверное, это оттого, что очень хочется с тобой увидеться и пообщаться.

Мне кажется, что, и жена твоя вернется. Я вообще не понимаю, и не представляю, как она может жить без тебя? Ты для нее и папа, и мама, и врач, и, наверное, самый надежный друг, который всегда придет на помощь, простит и примет такой, какая ты есть. В глубине души, ты ее по-прежнему любишь, мне так кажется. А она у тебя просто молодая и глупая.

Моя тоска здесь не проходит, просто сейчас я ее забила работой, стала уставать. Если работу у меня отнять, то все вспыхнет с новой силой. Для меня сейчас вся эта Германия, ушла куда-то. Я еду на работу, и полдня вообще не думаю об этом. Обычная советская школа, как если бы я работала в центре Москвы. Потом возвращаюсь, забегаю за хле-

бом, молоком и соком (благо очередей нет почти) и лечу домой, делаю уроки с Дмитрием, проверяю тетради, готовлюсь к урокам, убираю квартиру, готовлю ужин и т. п., т. е. как бы, если бы, я была дома. Но конечно не совсем, а главное — нет друзей, и не будет, а главное, нет любимых лиц, родных, по духу или крови (кроме моего семейства).

Вот такая моя жизнь на сегодняшний день. Если сочтешь нужным, передавай от меня привет, кого увидишь в Доме пионеров. Как там Миша, стал ли миллионером? Ходит ли в смокинге, как он мне приснился? Если будешь передавать привет Славе, скажи, что миллионершей не вернусь, поэтому пусть женится на другой. Впрочем, может быть, я им сама, потом к рождеству, открытку пришлю (напиши, если соберешься, адрес дома). Вообще здесь Рождество, Пасха и Троица — это народные праздники. Я скучаю без нашего дома пионеров, больше, чем по основной работе. Обещала написать десятиклассникам, да потеряла книжку с адресами. Растяпа.

Передай привет Людмиле Григорьевне!

Крепко обнимаю. Всегда помнящая о Вас. Елена.

Сентябрь 1991 год.

4

Лена привет!

Сижу в мастерской, в Ясенева, только что закончил пер-

вый слой работы «Магия», отдыхаю, пью чай. Извини, что пишу так редко, получила ли ты мое большое письмо, я имею в виду в большом конверте на десяти листах. Я послал там тебе конверты. Это письмо очень важное, там я описал все свое лето. Сентябрь и начало октября у меня очень насыщенные. Сплю очень мало. Работа в ДП¹, потом работаю в мастерской по 6—7 часов, каждый вечер. Ксюша пока еще здесь, приходится заниматься и ее делами, т. к. работаю в нашей квартире. Ушел в живопись с головой, даже удивляюсь, откуда столько сил, правда, иногда падаю замертво. Свои остальные дела все забросил, мало общаюсь, т. к. все это отнимает время на сон. Если бы меня сейчас спросить, сколько мне нужно времени на творчество, то я ответил бы 40 часов в сутки. От идей просто захлебываюсь, иногда до слез обидно, что устал и даже не могу стоять. У Ксюши тоже все на нервах с этим отъездом в США и вот недавно попал под горячую руку. Почти был выгнан, причина беспорядок и запах краски, правда потом извинилась, но мне пришлось три дня болтаться по знакомым. Сейчас приходится выбирать время для работы, когда нет никого дома, это время почти отсутствует, из-за этого впал в депрессию. Как-то болтая с ней вечером, я ей сказал, что у нее есть цель, ей известны причины задержки и ей известно, что надо сделать, чтобы достичь свою цель, а у меня все сложнее, мое творчество не имеет ни времени, ни пространства, я не знаю, как делать

¹ Дом пионеров в Ясенево, позже ЦВР «Ясенево».

и что делать, что я больше не могу тратить себя на другие дела, но нет, нет понимания.

Мою живопись смотрят все, для Ксюши это предмет гордости, но работать у меня часто нет возможности. Подрамники купил, но к моменту их получения они возросли в цене вдвое, большое тебе спасибо за деньги, они мне очень, оченьгодились. У меня купили «Несчастливого» за 600 рублей и еще около 6 этюдов летних по 150—200 рублей. Но сейчас все так дорого, что моя живопись оставляет мне только долги. Рисую в долг, т. к. сейчас решил не продавать, а отдать на выставку в декабре примерно 10 работ. Гостили американцы, хотели купить за 200 долларов одну работу, но я не продал, т. к. в ней столько моих сил и нервов, хотя работа вроде бы обычная. Сделал большие работы «Живое и Мертвое», «Эпидемия», «Реквием», «Голубой храм»². Появились люди, помогают мне в творчестве деньгами, пока безвозмездно, но не знаю, как потом, вероятно придется потом отдавать работами, но меня интересует только творчество. Думаю, что трудный период обязательно пройдет. Знакомая моего друга и моя крестная мать пытаются меня женить, а то, мол, совсем пропаду, показывают подругам мои фото и вызывают меня в гости. Смешно ужасно. Конечно, никуда я не хожу, нет времени, сил, а самое главное желания. С женщинами не общаюсь совсем, ботинки прохуди-

² О судьбе этих работ подробно рассказывает И.М.Соловьева в своей книге «В потоке творчества: художник». Москва.2017 г.

лись, куртка драная, да и денег нет на пирожки, а женщины народ капризный, это я давно ощутил. Очень скучаю по тебе. Ты лучше всех меня понимала, а мне так не хватает этого сейчас.

Написал ряд новых песен. В конце октября запишу их на кассету, альбом будет называться «Выпь». Пишу стихи, вернее записываю, чаще всего ночью, когда не спится. Здоровье пошатнулось, но в голове сидит только одна идея – творить, пока хватит сил. Заметил, что чем выше подъем в творчестве, тем больше людей и проблем, которые мешают осуществить замысел. Хочется сказать, подождите, летать мне не долго, вот упаду, тогда я ваш, а сейчас, неужели не видите, может такого никогда больше не будет, но странные, странные люди вокруг! Да и где тот критерий оценки важности, у каждого свой устав и своя правда, кто-то измучил всех своей любовью, кто-то работой, кто-то тем, что ему скучно, ну а я вот творчеством, да только сказать о своих муках не могу. Ксюша, например, может наорать не думая о последствиях, а я очень тяжело переношу, когда на меня кричат, если бы у меня было место для работы, где можно было держать холсты и краски, я бы переехал, а так приходится терпеть, я пытался ее просить о спокойном поведении, у нее один ответ, что ей тоже необходим покой, что она тоже желает уважения, но самое, главное то, что я никак не отношусь к ее неудачам, что это зависит не от меня. Очень больно чувствовать, что для приезда ее гостей или иностранцев приходится выстав-

лять по ее просьбе свои работы, а в отсутствии их мне приходится искать способ для творчества, чтобы не нарушать ее покой. В мастерскую ко мне из моих знакомых никто сейчас не ходит, звонят редко, я запретил, т. к. очень сильно чувствую, что я здесь не хозяин, но приходится принимать участие в ее делах и в делах ее знакомых. Да я умею терпеть, и это я понял, я умею прощать и ждать, но я хочу работать, работать. Мне иногда грустно, кажется, что чужие дела могут быть мною решены, но люди занимаются каким-то психологическим мазохизмом, им как будто нравится мучить себя и других, порой, кажется, что когда решатся их дела они взвоют от тоски и сделают все по старому, чтобы не было скучно. Людям весело от их дел. Смотрю я и хочется сказать, что не об этом надо думать, но не верят люди, слепы люди.

А у меня все по-другому, я улетел в небо, не могу опуститься, да и пока не хочу. Мне иногда кажется, что я совсем выпал из общества. Понимаешь, ужасно слушать по часу то, окончание чего ты знаешь уже через пять минут. Я понял, как прекрасно молчание. Иногда мой внутренний протест доходит до истерики. Может быть, я очень сильно заблуждаюсь в данный момент? Не знаю. Парадоксально, но для творчества мне необходим в данный момент покой и комфорт. Мне нужен порядок в душе. Когда я достигаю минимальных своих удобств, у меня все рушится, чаще всего не из-за меня. Часто вспоминаю наши разговоры. Интересно, как ты дума-

ешь, может быть, я слишком много требую от других и не замечаю того. Хотя я всегда был уверен в том, что очень хорошо чувствую людей. Жду твоего возвращения, об этом могу писать в каждом письме, в каждой строчке. Совсем разочарован в женщинах, пришел к выводу, что философия каждой женщины упирается в их желания, а цель – осуществления желания. Женская философия может меняться, забываться, предаваться, ломаться и все только от женского настроения. Женщина видит только то, что хочет видеть, и только тогда, когда хочет это видеть. Женскую философскую идею можно вставить в рамки ««иметь и мое»», удивительно, как женщина легко в борьбе за общественное, за высшее выделяет из всего приобретенного только то, что ей понятно, а не то, что есть объективность. Но есть ведь другая правда и ««эта правда проста, но ей не хватает креста и соломенной веры в спаси, сохрани...»»

Вот такой этюд. Да, песня, о которой ты спрашивала «Церковь» группа ДДТ в исполнении Ю. Шевчука.

Прости за редкие письма, выползу, буду писать чаще, хотя очень понимаю как они тебе нужны, да и я хочу с тобой говорить, но каков храм, таков и приход (это я о себе).

Искренне Ваш Терентий Травникъ.

Из стального града Москвы.

8 октября 1991 г.

Здравствуйте, уважаемый Игорь Аркадьевич!

Каждый раз у меня проблема, с чего начать, и после обращения, я останавливаюсь и задумываюсь. Несколько слов о бытовухе. Живем мы теперь на квартире в самом центре Восточного Берлина, в десяти минутах ходьбы от Берлинской телебашни. А вдруг тебе удастся приехать? От телебашни надо двигаться в направлении Hotel Stadt Berlin (городская гостиница), она остается слева, по подземному переходу пересекается улица и попадаешь в переулок, между двумя домами: на одном написано Reisebuero (бюро путешествий, это справа), а на другом Casio (это корейская фирма по продаже видео и т. п.), и если двигаться в переулке минут пять, никуда не сворачивая, упираешься в наш дом. Дом имеет четыре стороны. Дом имеет четыре стороны, наша дальняя, по адресу: Mollstrabe (Мольштрассе). На углу дома, со стороны трамвайной линии, написано Mollstrabe 2/3, а на нашем подъезде Mollstrabe 3. Дальше, надо нажать кнопку, с фамилией Башмаков или номер 0901 (это квартира), и ждать, пока я спущусь, и открою, т. к. система сломана, и работает только звонок. Ближайшая станция метро Александрплац. В посольстве – это называется, жить в городе, и до посольства до нас пешком, минут 40 (можно ездить на автобусе или на метро). Таким образом, я почти полностью отрезана от жизни, с немцами общаться, не позволяет отсутствие зна-

ния языка, а из нашего контингента, я знакома только с той парой русских, о которых писала. Таким образом, я в изоляции, и после моего широкого круга общения, очень не привычно.

Дни мои проходят очень однообразно. Каждый день убираю квартиру, что-то стираю, езжу в Западный Берлин, за относительно дешевыми продуктами (я, как жительница Московской области, в прошлом: в Москву за продуктами, в Восточном, все цены выше). Без конца кормлю своих мужчин, в общем, страшная текучка, уверенно отупляющая. За горячую воду здесь приходится особо платить, поэтому в белом хожу, реже. Очень много времени занимает сын. Немецких ребят он побаивается, с нашими, когда мы бываем в посольстве, конфликтует, с утра до вечера он со мной. Я притерта к его характеру, а он к моему. Занимаюсь с ним. На себя времени почти не остается, отчего очень страдаю и злюсь. Даже почитать удается не каждый день. Я настолько привыкла своим миром, в который очень мало кого впускала, что сейчас у меня возникло ощущение пустоты. Счастливые минуты, когда мне удастся побыть одной, почитать, помалевать (пастель, я купила), почитать стихи, послушать музыку или просто поразмышлять.

До последней минуты я не верила в отъезд и мне, все это казалось глупой игрой, пока не увидела надпись *Franrfrut am Oder*. А потом ощущение, как будто видишь фильм. Честно

говоря, я до сих пор не могу понять, что происходит. Такое чувство, что я умерла, и возникла в другое время, и в другом месте, но уже без души, как некая субстанция, которая двигается, ест, чего-то делает. Я в каком-то состоянии недомогания, и никак к себе не вернусь. Я давно переросла отношения. Иногда у меня ощущение, что я подушка, и меня запихивают в спичечный коробок. Люди из моей жизни, порой мне даже кажутся реально не существующими, как будто время у вас остановилось (для меня остановилось), тем более, ни одного письма из Союза я не получила, еще письма здесь вообще иногда идут по 1,5 месяца. Ощущение потери корней, тяжело. Франкл пишет, что существует три вида ценностей: ценность творчества, переживания и отношений. Прежде, я жила первой и третьей!!! Сейчас же у меня осталась только вторая, которая у меня всегда была слабо развита (по-настоящему я не умею ощущать себя, я это поняла на группе Роджерс). Для меня это было закрытой сферой. Мама всегда опасалась за бурное развитие моей фантазии (в детстве, у меня были такие задатки), и всегда внушала мне, чтобы я не жила эмоциями и ощущениями, а головой. А теперь мне здесь голова вообще не нужна (разве только быть на стреме и учиться экономить). Я думаю, что постепенно буду знакомиться с культурой и историей, но для этого надо хоть элементарно объясняться, а главные средства финансовые, в коих мы сейчас затрудняемся. Когда я была наполнена своей жизнью, то любила всех вокруг себя. А сей-

час, часто начала раздражаться. Мой колодец высох, и мне не чем их любить. Я вычитала интересную мысль (мне кажется очень верную, как мне подсказывает мой опыт) о любви: ««Любовь – это возможность сказать кому-то ««ты»», и еще сказать, ему ««да»» «». Иными словами – это способность понять человека в его сути, в его конкретности, в его уникальности, однако понять в нем не только его суть и конкретность, но и его ценность, его необходимость. Это и значит сказать ему «да».

...Любовь, как раз дает человеку зрение. Ведь ценность другого человека, которую она позволяет увидеть и подчеркнуть, еще не является действительностью, а лишь простой возможностью: тем, чего еще нет, но, что находится еще в становлении, что может стать, и что должно стать»». Я поняла, что безусловное принятие другого, с его ««за»» и ««против»», с искренним желанием понять, и оправданием, прощением – это путь любви, а главное, здесь все же, принятие. Если ты чего-то не принимаешь, то, наверное, это уже нельзя назвать любовью. И еще о художественном творчестве: ««Источники творчества находятся и остаются во тьме, которую сознание не в состоянии осветить полностью»». Оказывается, что чрезмерное осознание даже, по меньшей мере, мешает этому творчеству ««из подсознания»». Нередко усиленное само наблюдение, стремление к сознательному ««деланию»» того, что должно проте-

кать само собой в глубинах подсознания, становится тормозом творчества художника. Любая рефлексия, не являющаяся необходимой, может здесь повредить. Говорила я тебе, Аркадьевич: «Не живи головой!» Это не твое (хоть ты конечно и умный, что я заключила из того, что ты сумел меня оценить). Когда слушаю «Реквием» (спасибо тебе еще раз за записи), то в моем внутреннем взоре возникают твои картины, которые я видела на слайдах (так получилось, я тебе говорила, что слайды я смотрела на эту музыку, и ассоциативная связь установилась, и это мне доставляет ощущение вдохновенности что ли). Я даже, как-то посчитала, что 40 картин, я свободно воспроизвожу зрительной памятью, и они, таким образом, всегда со мной. Вообще, чем я больше соприкасаюсь с твоим творчеством и думаю о нем, тем больше ощущение твоей талантливости, Дара Божьего, исключительности. Не в том смысле, что лучше или хуже, а в том, что ценностно индивидуальностью. Кстати, часто слушаю в последнее время твою «женщину», не знаю, чем она могла кому-то не нравиться? Мне нравится, даже очень, просто хочется плеером в стенку с досады запустить! Меня останавливает, наверное, то, что я сразу при таких желаниях ставлю себе диагноз: «Эмоциональная неустойчивость с эпилептоидным компонентом растет. Это нехорошо».

Ты знаешь, я здесь вдруг стала бояться смерти. На чужбине смерть страшна. Размышляла о самоубийстве. Читала

об этом: «Ни одно самоубийство, не может быть нравственно оправдано. Не может оно представлять собой и искупление. Оно не только лишает человека возможности развиваться и приобретать опыт в результате собственных страданий (реализуя ценность отношений), но и лишает возможности искупить страдания, которые он сам причинил другим. Таким образом, самоубийством никогда не расплатиться за прошлое. Человеческая свобода – это не „свобода от“, а „свобода для“, свобода для того, чтобы принимать ответственность. Самоубийца похож на шахматиста, который, столкнувшись с очень трудной шахматной задачей, просто смахивает фигуры с доски. Ровно, как не решить жизненных проблем, разрушением этой жизни... Если рассматривать жизнь с точки зрения присущих ей жизненных задач, нельзя не прийти к заключению, что жизнь всегда, тем более осмысленна, чем труднее она дается»... И мне кажется, чем больше дан талант, тем более строгий ответ придется держать перед Всевышним. Об этом писал Антон Брукнер.

Одним из моих любимых занятий здесь стало посещение парка. Недалеко от нашего дома небольшой тенистый пейзажный парк с фонтанами. Наверное, это единственное место в Берлине, где я чувствую себя хорошо, словно на меня какая-то благодать снисходит, и я слышу внутри себя музыку. Растительность здесь скорее южная, но есть березы с маленькими хилыми листочками (им здесь жарко), много широколиственных деревьев. Придаваться ощущениям на при-

роде, мне мешает Дмитрий, то устал, то попить, то... Вообще, я совсем почти его не знала, такой он избалованный, и пуп земли, я, я, я хочу, мне, мне... Дмитрий купается в фонтане (здесь принято так), многие дети и взрослые купаются. Я тоже зализала, но правда полностью еще не пробовала. Сейчас в Берлине очень жарко 30—35 градусов. Тебе бы это очень не понравилось, да еще и влажность высокая. Погода, как в Сочи. Берлинцы загорают, где попало, на газонах посреди города, в парках. Причем, скромная женщина загорает здесь в плавках (без верха), а другие, вообще голыми, и ходят так, и мужчины тоже. В первое время – это воспринималось очень непривычно. Публика лежит, развалившись на спине к солнцу лицом. Я, конечно, не могла удержаться от того, чтобы краем глаза понаблюдать за голыми немцами. Думаю со временем, тоже развалюсь в таком виде, хотя бы ради озорства. Я наблюдала картину, как загорала одна пара, и женщина была в игривом настроении, то залезала на него верхом, то ногами поддавала, в общем, свобода нравов здесь непривычная, и все это выглядит довольно, невинно, никакой похоти нет. На улицах, я чувствую себя скованно из-за отсутствия языка. Ко мне часто обращаются (так, что я за местную, вполне схожу). Старушки подсаживаются на лавочке и заговаривают со мной. А я говорю, что я не понимаю по-немецки, извините, и ощущаю себя крайне неловко, виновато.

Но чтобы сносно говорить, надо много заниматься, а для этого нет, особо, ни времени, ни мотивации, когда понимаешь, что уедешь, и тебе это больше не понадобится. Английский бы я непременно учила с большим стимулом, психологическая литература, в основном, на английском. Здесь как-то в магазине, негритянка, обратилась ко мне по-английски, и я сама на себя удивилась, с каким удовольствием я с ней пообщалась. Есть у меня здесь одна мечта, съездить посмотреть дворцы и парки Фридриха, и еще посетить православную церковь (она есть только в Западном Берлине). Насчет поездок, более дальние – затруднительно, говорят, что после объединения, еще никак все не утрясется, и дальше, чем 20 км. От Берлина, нас не выпускают. Так что, Дрезден остается мало осуществимой мечтой. Очень бы хотелось почаще звонить Вам. Но я уже писала в первом письме, что это до-

рого, а деньги я здесь не зарабатываю, и не имею морального права тратить их по-своему усмотрению. Поэтому не знаю, как будет получаться. Домашнего телефона у нас нет (я смеюсь, что если со мной что-нибудь случится, мне придется тихо героически умереть). В посольство не прозвониться, все время занято, немецкого не знаю, вокруг своих нет.

Прошлое это для меня все, что я имею на сегодняшний день. Все, что я говорила остается в силе, даже больше, чем прежде, отчего многое не могу, и не хочу воспринимать.

Передавай большой привет, Людмиле Георгиевне. Поздравляю с праздником Петра и Павла.

6

Здравствуй, дорогая Лена!

Привет из Москвы. У меня все нормально, правда, сейчас немного заболел (грипп). Лежу и читаю книги. Поздравляю тебя со Старым Новым годом. Получила ли ты мою открытку «Катание на коньках с голубыми зайцами». Неужели и эта не дошла? На всякий случай повторю свой ответ на твой вопрос в последнем письме. Конечно, буду, это очень хорошо. Дай Бог.

Последнее время не рисую, читаю и читаю, видно что-то внутри лопнуло, теперь надо ждать. Записал 3 новых кассеты со своими песнями. Первый альбом «Я чужой тебе...»,

следующий «Выпь» и последний «Дерево и Глина», последний небольшой концерт среди друзей.

Сейчас я занят новой идеей, хочу поделиться с тобой по секрету. Хочу организовать Центр помощи (безвозмездной) пенсионерам и инвалидам, за счет средств, вырученных от продажи картин. У меня уже есть единомышленники.

Недавно была радость, которая очень быстро омрачилась. Мне предложили 2-е персональных выставки, но вскоре попросили деньги за аренду зала и немного немало 15—20 тыс. руб. за неделю. Ну, это как всегда, я и не расстроился совсем.

На работе бываю редко, скучно и тупо там все. Естественно бывают конфликты, но они были всегда. Материалов для работы нет, а все мои попытки достать что-то кончились или от невнимания, или отсутствием денег в ДП и т. д. Поэтому я решил особенно не утруждаться. Уйти не могу, т. к. хоть какие-то деньги, да и мне больше не надо. Чтобы начать новую работу, нужно прежде ответить на вопрос. Зачем?

Терентий в мастерской в Ясенево. 1992 г.

Пока ответа нет, да, честно говоря, устал я немного от этих дел. Очень скучаю по тебе. Жду твой приезд. Мама передает тебе привет, и все время спрашивает о твоих делах. Я ей отвечаю очень коротко, но мне все равно приятно. Недавно накупил книг на 500 рублей (получил з/п и продал акварель), книги прекрасные, жаль, что они все время дорожают. Приедешь буду тебе все показывать, покажу тебе камни, которые я привез из экспедиции этим летом с Урала

и много, много трав.

*С большим уважением. Ваш покорный слуга
Терентий Травникъ.*

7

Здравствуйте, уважаемый Игорь Аркадьевич!

Вот уже больше месяца я здесь существую. Время для меня предстает циферблатом часов, и первый час уже прошел. Михалыч совсем не скучает, он говорит, что дома отдыхает, так как мы, наконец, живем одни. А я часто думаю о матери. Она тяжело пережила отъезд. Когда по приезду, я позвонила (у меня было всего 40 секунд), она очень быстро говорила, чтобы я приняла все, как есть, значит так надо и т. п. Поэтому, она больше уговаривала себя. А для меня, самые духовно близкие мне люди, остались там, и это ничем не компенсируешь. У тебя есть мама, друзья, твое обычное творческое окружение, у меня же, кроме Михалыча, никого. Я думаю, что три года (!), я не буду общаться с мамой, а ведь она уже не молода, и чем мы старше становимся, тем ценнее кажется прожитый день. И он проходит не зря или наполнен искренним общением. Может быть, у нее так немного осталось лет, дней, а я не с ней, и эти годы, как будто украдены у нас, и не только с ней конечно. Я часто вспоминаю людей, с которыми работала, в сущности, последний год у меня была работа сходная с работой проповедника. Я вкладыва-

ла в нее столько душевных сил, и чем больше вкладывала, чем больше видела, что могу что-то пробудить в человеке, может быть, несколько иное отношение к себе, другим, жизни вообще, немного повернуть картинку жизни, тем большую силу в себе ощущала. Я, как личность (хоть, ты, личностью считаешь только Христа), но для меня, каждый, создающий человек – личность. Так вот, я, как личность, живу во многих. Я не едина: «Кто я теперь? Единая – нет. Завоеватель? Нет, завоеваны»... А здесь, не имея возможности вложения душевных сил (ввиду понятных тебе ограничений), я ощущаю засуху (я писала уже об этом). Причем, что интересно, это ощущение практически физиологическое даже. Еще месяц назад, было ощущение, что «„путь длиною в тысячу километров начинается у меня под ногами“», что я держала кончик Ариадновой нити в руке, и сейчас снова, и снова я задаю себе вопрос: «А так ли я поступила, что отдалась на милость судьбе, поплыла по течению, дав возможность событиям, разворачиваться самим по себе? Не потеряла ли я, ту, единственную возможность в жизни, которая дается лишь раз! Не заплачу ли я, за покорность, потерей себя, и своего смысла? Это очень жестокий для меня, и мучительный вопрос. У меня ощущение медленной пытки, как будто, в одну и ту же точку головы, падает вода».

Я знаю, что, как профессионал, в настоящее время, я ничего особенного из себя, не представляю, и все же, я могла бы пойти по пути психотерапии, он был бы мучительным,

трудным, со множеством срывов и неудач, но это был бы мой путь, и от того, что он был бы мучительным, может быть, приобрел еще больший смысл и значимость. Тем более перед отъездом, у меня было два опыта позитивного результата этого таинства, которое называется психотерапией. Но чтобы заниматься этим, кроме ума, надо иметь, хорошо наполненную само ценностью, и ощущение, почти вселенской любви. Хватит ли у меня силенок вернуться к этому? У меня ощущение остановки развития, которой не должно быть. Таня (о которой я писала) перед отъездом, сказала мне, что, когда я вернусь, она будет заниматься со мной психологией, даже если придется начать все с нуля? И захочу ли я? Иногда, у меня чувство продажи души, хотя выбор был, и не совсем свободный. Мама говорит, что я страшно честолюбива. Я ей доказывала, что это не честолюбие, а самолюбие. Честолюбие, когда человек добивается чего-то ради престижа, честолюбия окружающих, их признания, карьеры (это основная черта застревающего характера, а в перспективе, параности), я же добиваюсь успеха, ради осознания значимости своего собственного «я». А это называется самолюбие. Я со словарем ей это доказывала (кстати, ради интереса можешь посмотреть). Для меня важно чувство уважения к самой себе, и ничего я сделать с этим не могу. Это подпитывалось годами тем, что люди часто тянулись ко мне, искренне раскрывались. Могу с твердостью сказать, что это никогда не использовала, да и зло преднамеренно не дела-

да, хотя нечаянно, наделала наверняка много, не даром говорят: «услужливый дурак, опаснее врага», да и молимся мы за грехи «вольные и невольные», конечно оттого, что они невольные, они не перестают быть грехами. На психотерапевтической группе по психоанализу (фрейдовское направление у англичан, у меня выявили интересную проблему), проблему защиты кого-то, что у меня стремление, постоянно защищать кого-то (должно быть, я не состоявшийся адвокат, по гороскопу, во всяком случае). Я думаю, что это оттого, даже наверняка оттого, что я сама себя ощущаю беззащитной и слабой, может быть, именно поэтому я не могу противостоять судьбе, в корне изменить сценарий жизни, совершить поступок. Но мне кажется, что я могу до этого, дорасти.

Что написать про мою жизнь? Тебе и так все понятно. Посетила церковь Святой Ядвиги (католический), скорее протестантский храм, совершенно не похож на наш. Очень большое здание куполом высоким, стены – сплошные витражи, круглое, икон никаких нет, орган, статуя святой, кафедра (очень красивая, современная, для священника), за которой какое-то панно в стиле абстракционизма. По кругу сидения. Свечей нет. Много света, и все очень аскетично, но ощущение возвышенности остается. Посещение культурных мест, пока осложняется отсутствием денег, и знание языка. Честно говоря, я побаиваюсь заходить куда-то, так как ко мне начинают непременно обращаться, и чувствуешь себя душой. У меня есть мечта съездить в Манцуси, дворцы Фридриха ве-

ликого в пригородах Берлина. В перспективе, посетить Берлинскую оперу. Билеты в театр очень дороги, от 40 марок. Я бы с удовольствием обошла Берлин пешком (имея карту), но Дмитрий после пройденного километра начинает ныть, что он устал, пить, хочет и т. п., так что и здесь я повязана. Дома один надолго оставаться боится. Кстати, я здесь совершенно перестала быть похожей на барышню. В туфлях ходить не удобно, в Берлине не асфальт, а камень, набойки тут же летят, и стоят они дорого (гораздо дороже, чем у нас). Поэтому хожу, как большинство местных в спортивных черных тапочках, или кроссовках, чаще с шортами или джинсами, в почти черной майке, иногда с рюкзаком за спиной (с рюкзаками здесь многие ходят), ходить так легко и удобно, а выпендриваться, здесь не перед кем. Хотя, иногда хочется чего-то женственного (мужского во мне, и так хоть отбавляй).

Все вечера долбим язык (на пару). Слова я запоминаю в основном зрительно или по ассоциации. Слуховая память у меня, как у большинства психастеников, плохая (у тебя, тоже должна быть не очень). Слова запоминаю быстрее, чем Михалыч, он меня спрашивает, как, но мои ассоциации понять не может. Вот так я учу немецкий, многое приходится зазубривать (типа артиклей), это я не люблю. Кстати, я тебе давно хотела сказать, можно в русском тексте, случайно написать слово на другом языке, если постоянно этот язык слышишь (насчет мужа Оксаны). На группах с англичанами

и американцами, я это сама на себе почувствовала.

Мы взяли на прокат телевизор, но так как живем не при посольстве, он первую программу нашего телевидения не ловит. Но иногда показывает Москву (в связи с фестивалем), или слышится русская речь (когда показывают наши магазины), и как ОБХС работает. Такие моменты: «Майский день, именины сердца». Я часто вспоминаю, как мы с тобой фотографировали. Напиши, если будешь писать, получились ли фотографии (приеду и посмотрю). Не помню, поставила ли индекс на конверте прошлого письма (9 июля), и дошло ли оно. Говорят, иногда письмо идет 1,5 месяца. Позавчера получила первое письмо из Москвы (это был счастливый день). Написал Дима (Ольга, лежала на сохранении в роддоме). Сейчас, должно быть, уже родила.

Письма, письма, тонкая нить
С той со мной, что не совсем потеряна,
Но можно быть уверенным,
Что потеряна, будет совсем...

Вообще здесь большая проблема с советскими конвертами, Михалыч принес мне 20 штук: «Это, говорит тебе, на весь год», а я уже 8 израсходовала. Всем, кому пишу, прошу высылать почтовые марки, так что если будут перебои в письмах, то это, или из-за отсутствия марок, или не пропустили, по какой либо причине. Михалыч, очень хочет устроить меня на работу, но не знаю, что у него из этого получит-

ся. Почти каждый день вижу сны, очень яркие, но тревожные; что-нибудь про мое теперешнее существование, или про Москву. Сны приносят чувства какого-то беспокойства. Мне кажется, у меня накапливается стресс, да и в письмах, наверное чувствуется напряжение и нервозность, да и я чувствую, что души в них нет, по понятным причинам (минимум двум). Собственные письма не приносят мне чувства удовлетворения, хотя получать, очень хочется. Иногда возникает желание, бросить писать совсем. Озлобленность какая-то. Хочется спросить: «А какое Вам дело до моего здоровья?» Самозащита моя выросла, колоссально. Становлюсь совсем резкой и сердитой. Зато учусь печь пирожки!

Прошу прощения за ошибки. По русскому языку у меня в школе было почти всегда на грани тройки (зато по литературе всегда пять). И вообще к языкам никаких способностей (да и вообще, к чему они у меня есть), поэтому наверняка, леплю много ошибок. Скучаю (не то, чтобы сижу и скучаю, а скучаю, как не проходящее, тянущее душевное состояние), оттого и злая. Часто на ум приходят Ахматовские стихи: «Безвольно пощады просят слова»..., написанные в 1912 году, особенно последнее четверостишие: «Без меня живут, смеются, горюют, рожают идея, а я без вас не могу». Большой привет Людмиле Григорьевне. У меня очень теплые воспоминания о ней.

Здравствуй Лена!

Получил твое письмо. Очень рад за тебя и молю бога за тебя. Я конечно согласен. Я даже уже купил крестик в Свято-Даниловом монастыре для крестника. Это для меня большое и приятное волнение.

Теперь о себе: «Тружусь и тружусь». Рисую и пишу стихи. Записал две новых кассеты с песнями. Сейчас у меня живут гости из ФРГ.

Olaf – мой друг, очень хороший человек, неплохо знает русский. Мы с ним рисуем, а также Наташа (итальянка) и ее друг Николас (скульптор). Я им много рассказываю о московской истории о храмах и монастырях.

Чувствую себя не очень хорошо, но это не страшно, просто я знаю, что пока надо работать и творить, каждый день, хотя это и не всегда получается.

В женщинах разочарован, скучно все это, да и я совсем улетел туда, в мир подлунный, а они здесь все по земле, да по земле. Вот так.

Мне бы не молчать, а плакать.
Оторваться от земли и взмыть
И струной дождя от ветра рваной
Зазвучать, а после взять и смыть...

Это то, что сейчас во мне, все меняется, течет, растворя-

ется и исчезает, только старые друзья и близкие мне люди, держат меня в этом мире и я не устаю говорить спасибо всем, всем за то, что не отвергли меня, пытались понять, я очень вам верю.

Я чувствую в себе огромную скрытую силу каких-то знаний и возможностей, но пока не могу открыть нужную дверь. Иногда мне кажется, что я пришел из другого мира в этот и оступел здесь. Я судорожно пытаюсь выполнить, что знал, я почти уверен, что что-то есть.

Вот так и живу, подойду к зеркалу посмотрю и спрошу, что делать тебе Терентий, где ты, где твой дом, где твой мир. Молчит зеркало, и я ухожу.

Представляешь, начал сесть и довольно много волос, странно, как «ребенок», а седею, может, и облысею, да не в этом печаль. Я заметил, что многие от меня чего-то ждут, вот Николай или Вадим говорят, давай Игорь, ты ведь настоящий художник, а я развожу руками и говорю не могу, а надо смочь, жизненно важно найти то, ради чего ты пришел в эту жизнь: «Не расцвел и отцвел в свете пасмурных дней...»

Может и так. О работе не пишу. Тоскливо.

Ухожу на работу – темно
Прихожу с работы – темно
Видно все поменялось местами
Видно больше сейчас не дано.

Я думаю вообще сейчас не работать.
Жалко жечь свое время.

Игорь Аркадьевич Алексеев – Минкинъ.

9

Здравствуйте, уважаемый Игорь Аркадьевич!

Каждый раз, начиная письмо, вспоминаю твои строки: «Не в силах сердце написать, все то, что хочется сказать»...

Заканчивая письмо, обычно остаешься недовольным, и даже думаешь не писать вовсе, однако, по-моему, у Апухтина есть: «Но я пишу к тебе за тем, что я привык все по-верить тебе, что шепчет мой язык». А еще потому, я пишу тебе чаще, чем другим, что ты не ждешь от меня описаний «райских Западной жизни, т. к. по-моему, ничего особенного здесь нет, и потому что тебе я могу доверить свои истинные чувства и ощущения.

Разговор был, как глоток свежего воздуха для меня. После него я впала в состояние какого-то восторженного блаженства, когда чувствуешь свое единство со вселенной, и перехватывает дух от ощущения счастья (я не знаю, как описать это). Такие состояния случались у меня прежде, а здесь впервые за все время пребывания в Берлине. Это соприкосновение с дорогой до боли жизнью. Прежде у меня были мысли, что я могу растерять себя, однако нет, сейчас я вновь

окрепла душевно, а моя тоска (в определенной степени страдания), возможно даже и укрепят дух. Помнишь, я говорила, что за последний год, у меня возникло ощущение зрелости, и я уже не стану другой, потому что я взрослая (даже старая, по-моему). Кроме того, мне очень помогают твои стихи, музыка картины.

Немного о городе Берлине. Кафедральный собор св. Ядвиги, о котором я тебе писала, католический, я выяснила. Мое знание немецкого, уже позволяет элементарно что-то спросить, и понять. Выкраиваю небольшие деньги на музеи. Посетила Николайкирхе (церковь св. Николая), исторический центр Берлина, очень понравилось. Готический храм, большой и высокий, но какой-то уютный. Я была одна, и долго там просидела, как в каждом католическом храме, там скамейки. Внутри, он просто выбелен, но по стенам и потолкам проходят цветные полосы, сходящиеся на потолке. Особенно красивы окна. Нижний ряд – небольшие, а верхний – высокие, вытянутые, но достаточно широкие, в мелкую тонкую решетку. За окнами деревья, тень которых ложится на стены. Стекла, создают впечатление чего-то романтического, из старых романов. Храм не действует, а открыт для посещения, как музей. Там экспозиция археологических раскопок, найденных на территории старого Берлина. Прежде в убранстве церкви было много арочных наслоений, но когда ее восстанавливали, то возвращать их не стали, и поэтому храм выглядит строже, и я бы сказала, в сво-

ей перевозданной красоте. В церкви есть скульптура, особенно интересна деревянная, а также живопись, несколько полотен 15—16 веков. Из них были посвященные, Иисусу: «Снятие с креста», «Воскресение», «Явление апостолам», «Вознесение», и еще несколько деревянных барельефов, покрытых цветными красками. Я сидела и впитывала атмосферу (вспомнила тебя, как ты сидел). К сожалению, открыток с внутренним видом нет, но я пошлю тебе с внешним, в следующем письме. Постройка эта относится к началу 13 века. Вокруг нее, Николайфиртель, копия разрушенных построек старого центра поселения Берлина. Посетила Берлин Дом – главный Собор Берлина, высылаю открытку с его видом. Побывала в Кенипеке шлоссе (дворец), классический образец старой немецкой усадьбы на островке, в небольшом парке 3-х этажный дом. Внутри, интересная экспозиция старой мебели (очень красивой, с резьбой, с инкрустацией и т. д.), посуды, предметов быта, украшений. Жалко, что все это не озвучено, а читать мало, что могу. Особенно мне понравилась одна комната, полностью отделанная деревом, а верхний ряд (не знаю, как в архитектуре это называется) составляют картины сделанные из разных пород дерева, с изображением городских пейзажей (точнее, зданий без людей), очень интересно, а потом, я вообще люблю городские мотивы. Окна в этой комнате невысокие, широкие со стеклом, напоминающим слюду. Так и видишь, у окна девушку в средневековом наряде с прялкой (эта часть дома осталась с древности).

В прошлом письме я тебе не правильно назвала дворцы Фридриха, они называются Sanssausi в Потсдаме, на меня видимо, повлияло название Монплизир в Петергофе. Хотела поехать в этот выходной, да Дима приболел.

В посольстве оказалась неплохая библиотека классики, я беру читать Достоевского (в последнее время, кроме Ф. М. Достоевского у меня что-то не идет). Перечитала Карамазовых, прочитала «Петербургские повести» (прежде, кроме «Преступление и наказание», и «Братьев Карамазовых», и «Идиота», ничего не читала), больше всего мне нравится «Идиот». Наверно, это напыщенно прозвучит, но не устаю восхищаться талантом Достоевского. Надо же было иметь такой дар Божий, донести глубину мысли, психологизм, и таким чудесным русским языком. Так и хочется написать: «Здравствуйте, бесценный друг мой, Игорь Аркадьевич! Как не хватает мне Вас, милостивый государь!»

Каждую свободную минуту, хваталась за книги (а сейчас библиотекарь в отпуске, и поменять не могу).

Тоска, однако, у меня не проходит, даже, когда сплю. И во сне тоскую, сны снятся о том, что осталось в Москве, встаешь усталая (встаю в 7 утра, провожаю Михалыча), а вечером долго не можешь заснуть, особенно, если вспоминаешь своих, или письма сочиняешь.

Пытаюсь малевать, но мне простора не хватает, то (чаще) вижу внутренним взором, что хочу изобразить, вижу в деталях, а техники нет, и передать все это, не могу. Мучительно.

Вот почему я завидовала твоему умению, всегда. Это такое мощное средство терапии и самовыражения! Однако, иногда, что-то все же малюю, и к моему удивлению, если это попадается в руки к Димке, он понимает, что я хотела выразить. Конечно, все это блажь, я понимаю, но когда становится невольно, помогает. Считаю день удачным, если удастся позаниматься теоретической психологией. Меня привлекает сейчас философско-психологическое направление, выпиываю заинтересовавшие меня, или спорные мысли, и собственные размышления по этому поводу. Ведь поговорить, совершенно не с кем. Часто веду внутренние диалоги с тобой.

Живу по-прежнему, затворницей, очень строго, но это, наверное, и спасает меня от вредных влияний.

Здесь замучило меня чувство греховности моей жизни. Прежде, я все была при деле, и некогда было заниматься интроспекцией. А сейчас, все вспоминаю, как неправильно жила, придаваясь всем видам чрезмерности. В такие моменты появляется чувство омерзения к себе, прежде мне не известное. Да и сейчас я живу очень, не правильно, ежедневно предавая себя.

Вообще сейчас мое состояние напоминает состояние пенсионера в расцвете сил, вынужденного уйти на пенсию, знаешь, это кризис молодых бабушек и дедушек? Единственное мое желание, быстрее бы проходило время. Сегодня ровно два месяца. Седых волос у меня появилось много, растут, как

грибы, если я их буду вырывать, то останусь лысой. Алкоголь, практически совсем не употребляю, он усиливает тоску, поскольку тормоза ослабевают, а я не позволяю разнюниваться себе, лишь усилием воли.

Михалыч работает много с 8 до 20, часто по субботам, но чувствует себя в принципе, хорошо, говорит, что отдыхает от тещи и тестя. Здесь он почувствовал некую власть надо мной, благо на это есть рычаги: финансовая зависимость, мое одиночество, и частенько меня воспитывает (то не то сказала, то не то сделала), каждый день я ему отвечаю урок...

Хочется все же, чтобы ты хоть изредка писал. Чем занимаешься, какие мысли беспокоят, какие идеи (конечно, если ты доверяешь мне), над, чем сейчас работаешь? Очень не хочется от Вас отрываться, я по-прежнему живу прошлыми связями и отношениями. За два месяца ко мне пришло только два письма, от Димы с Ольгой, и от родителей, хотя писала многим. Обидно. Вроде бы, с глаз долой, из сердца вон. Впрочем, может быть эта командировка, поставит все на свои места.

Мне все больше и больше нравится «Церковь» в твоём коллаже. Я ее слушаю, почти ежедневно, какие стихи, какое чувство! Напиши, кто исполняет (не тот ли, чей портрет висит у тебя рядом с Пикассо?). Я забыла его фамилию, напиши, пожалуйста.

С нетерпением буду ждать твоего письма. Поверь, что для меня это жизнь, глоток воздуха, без которого я здесь зады-

хаюсь.

Передай привет Людмиле Георгиевне!

Душевно преданная Вам Е. А.

12. 08. 91.

10

Здравствуй, дорогая Лена!

В Москве 4 часа ночи, только что закончил первую часть лунного календаря, которым я решил заняться. Работаю над ним с начала января. Спать совсем не хочу, сижу и пишу письмо. Вообще вот уже месяца 3—4 как я раньше 4—5 часов не ложусь. Жизнь меняется, как кино. Дела мои не очень хороши. Дедушка болен, лечим, никак не может подняться, папа заболел, не знаю что или язва или хуже.

На работе произошел конфликт. Дело в том, что я объявил забастовку. Основные мои требования – это протест против засилья детского центра совершенно не относящимся к детям организациям, которых у нас уже 2 или 3 и передача им лучших помещений и второе невозможность моей работы без материалов, которые мне совершенно не предоставляют с лета, но и не дают минимум денег на их приобретение. В словесной форме я имел разговор о моей зарплате. Мне совершенно не заплатили за январь, теперь я получу только 1 марта. На мой вопрос: «Как же мне жить?», Светлана Матвеевна ответила: «Ничего проживешь». Я знаю, что

проживу, тем более мне сейчас из материальных благ ничего не надо, но все же странно мне это. Директор испугалась обсудить коллегиально мой забастовочный акт, поэтому, к сожалению, об этом никто не знает. Ужасно пассивные люди, все недовольны, но все молчат, правда недовольны нищетой, но разве это главное, ведь они большую часть жизни тратят на работу, которая в данный момент оказалась ерундой и просто фикцией. Я предоставил 3 программы для детей, одна даже коммерческая, но по ним даже не было обсуждения, все просто спят и ноют, и никто ничего не хочет делать. Просто скучно и очень грустно. Я ежедневно наблюдаю, тупость наших женщин, такое ощущение, что все не говорят, но думают «живи, пока живется...», но страдают дети, а впрочем, их почти не осталось. Я не стал об этом никому говорить, но думаю, что уже завтра об этом будут все знать, и я стану совсем там дураком. Настроен я совсем не решительно, но молчать надоело. Если делать, то хорошо, а если не делать, то тоже хорошо, но делать плохо, стыдно это. Благо детей легко обмануть, хоть они все видят, но молчат, да и заткнуть их легко, чем мы и занимаемся ежедневно. Завтра 3 день моей забастовки. Честно говоря, это серьезно, может ты, и не представляешь меня в этой роли. Со стороны вступил на полосу полной бедности, сознательно избегаю помощи родителей, у них, как ты поняла тоже трудно. Впервые в жизни столкнулся, но ты знаешь, как при этом все меняется в душе, как работает голова, боже, сколько идей, людей

воспринимаешь, как что-то доброе и чистое, я имею в виду людей на улице, незнакомых. Ничего нет, да и не надо, и появляется другое богатство, радость просто и общение и радость мысли и творчества. Вырабатывается иммунитет ко всему, что делается, вот только родителей жалко. Ничего им не говорю, нельзя мне это. Последнее время много занимаюсь с Геной³, недавно делали с ним бумажную модель храма Василия Блаженного.

Гляжу и надеюсь, а впрочем, не так все плохо, самое главное осталось радость жизни и вера, а что на это может повлиять, ничего, я чувствую себя свободным, как же это хорошо, людей жалко, но и они будут счастливы, когда освободятся, да многие просто не хотят.

С добрыми пожеланиями всем.

Терентій Травнікѣ.

8. 10.91

11

Здравствуйте, уважаемый Игорь Аркадьевич!

До сего дня я не получила ни одного письма от тебя. Виктор клянется и божится, что всю почту доставляет мне. Я его прямо спрашивала, и сказала, что буду звонить. Потом сказала, что позвонила, что ты писал, но он пожимает плечами,

³ Сын супруги Терентия Травника Оксаны Серебряковой от первого брака.

и говорит, что, значит, не дошло. У меня нет оснований, верить или не верить, так как случается, что и не доходят.

Девятого числа октября месяца, как обещала, я звонила, да Вас не застала. Разговаривала с Оксаной, она сказала, что ты приедешь поздно. У нее такой взрослый, такой уверенный в себе голос, что я невольно робею перед ней. Может быть, это гиперкомпенсация, но мне показалось, что женщина с таким голосом, должна хорошо знать, чего хочет. Я поняла, что ты живешь у нее. У вас перемены в личных отношениях? Я конечно обиделась, что тебя не оказалось, но не долго, подумала, что у тебя важные дела, да и потом мое отношение к Вам, сударь, неадекватно Вашему. Разумом, я всегда это понимала. Это не упрек, но реальность. И трезво поразмыслив, что это моя проблема, успокоилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.